

ЛОКАЦИИ ИНОРЕАЛЬНОСТИ МИРА ДЕТСТВА В РАССКАЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «ЖЕЛЕЗНАЯ СТАРУХА»

Готовцева Ольга Николаевна

студент, Северо-Восточный Федеральный университет, РФ, г. Якутск

Желобцова Светлана Федотовна

научный руководитель, канд. филол. наук, доцент, Северо-Восточный Федеральный университет, РФ, г. Якутск

Актуальность темы статьи связана с непреходящим интересом литературоведения к творческому наследию классика русской прозы Андрея Платонова, его ролью в формировании эстетических закономерностей литературы 20 века и влиянию на художественные искания новых писателей России. Природа инореальности исследуется на материале рассказа «Железная старуха», в поэтике которого высвечивается мир мальчика, психологически оказавшегося в трагической ситуации войны. Образ Егора типологически продолжает ряд мыслящих платоновских героев, напряженно думающих о действительности в аспекте созидающего человека. Нравственные уроки анализа текста соотносятся с эстетическими и философскими взглядами автора.

В художественной системе, созданной писателем, значим личный жизненный опыт, автобиографический контент. С началом Великой Отечественной войны Андрей Платонов в соответствии со своим пониманием гражданского долга, личностной ответственности записывается в добровольцы и уходит на фронт.

Критика не раз отмечала особенность воспроизведения им драматического опыта его современников: «В своих рассказах и фронтовых корреспонденциях А. Платонов не искал аналогий с известными ему эпизодами Гражданской войны. Слой времени, относящийся к первым годам советской власти, воссоздавался писателем прежде всего с нравственно-философских позиций». [1] Размышления о жизни и смерти, которые всегда волновали Платонова и в годы войны, стали ещё более глубокими, а социально-духовный конфликт напряженным.

Художник, увлеченный историей и философией, искусством и практикой труда на земле, безусловно выделял мировоззренческую драму маленького человека, позиционируя его как большого героя в эпическом противостоянии добра и зла. Он продолжает гуманистические традиции классической русской литературы, в целом, Ф. М. Достоевского, в частности, об абсурде жестокой реальности. Сюжетное движение рассказа раскрывает главное в творческом замысле: духовное и психическое становление человека, несомненно, происходят именно в раннем возрасте, когда для ребенка всё вокруг новое, неразгаданное и неизвестное: «Мир детства, рождающийся в литературно-философской форме, создается как единое экзистенциальное пространство». [2]

Анализ поэтики текста высвечивает идею писателя, которая раскрывается не только в семантике названия рассказа «Железная Старуха», созданного в характерной для него стилистике, но показать взросление подростка в процессе мучительного преодоления смерти.

Данное наблюдение органично вписывается в сокровенную веру автора в бесконечность жизни. Егор, опираясь на свой маленький опыт существования, вынужденно принимая войну со всеми ее невыносимыми обстоятельствами, выживает. В этой связи философски

содержательны внутренние монологи мальчика, риторические вопросы к взрослым и мирозданию. А. Платонов – мастер сильного текста, в центре которого цельный герой, связанный со своим народом, со всем человечеством.

Примечателен опыт исследования специфики хронотопа, когда пространство инореальности обнаруживается в самодостаточной для ребенка действительности, существующей только для него.

В рассказе «Егор постоянно передвигается по пространственно-временным локациям, пытается найти себя, разобраться в мыслях, утвердиться в правильности духовных ценностей, проверить моральные принципы, удостовериться в человечности поступков.

При этом перед читателем живой человек, свободный от схемы и декларации, соответствующий своему возрасту, мере военной беды, потери дома и близких, но уже взрослому цельная личность, питаемая традициями народа, бережно хранимой памятью о счастливых годах мира.

Маркерами становятся понятные для персонажей «дом» и «простор», «день» и «ночь».

Поэтому так естественны диалоги Егора с природой: «Шумели листья на дереве; в них пел ветер, идущий по свету... Егор хотел узнать, что означают эти слова ветра, о чем они говорят ему, и он спрашивал, обратив лицо к ветру: - Ты кто? Что ты мне говоришь?». [3]

Композиционно в характерной для писателя манере выстраиваются локации открытого и замкнутого ареала. Для Егора окружающий мир прикрыт завесой тайны – все неопознанное ребенком кажется чудесным и таинственным, чужим ему. Он познает мир через свои рамки и нормы. «Только он притворяется маленьким, он стал нарочно жуком и молчит, а сам не жук, а еще кто-то - неизвестно кто». [3]

Структурно кульминационным становится эпизод, когда он возвращается домой. «Дома мать дала Егору поужинать, потом велела ложиться спать и укрыла его на ночь одеялом с головой, чтобы он не боялся спать и не услышал страшных звуков, которые раздаются иногда среди ночи из полей, лесов и оврагов». [3]

Дом практически не обозначен физическими границами. Замкнутость родного пространства изображена не физическими рамками, но действиями, ограничивающими мир ребенка, которые производит мать из чувства к сыну. «Укрыла его на ночь одеялом с головой, чтобы он не боялся спать и не услышал страшных звуков, которые раздаются иногда среди ночи из полей, лесов и оврагов». [3]

В поисках художественных средств, способных создать инореальный мир, автор наделяет мальчика духовной памятью, контрапунктом которой является этнокультурный компонент в виде сказочно-мистического персонажа – железной старухи: «Над ним стояло темное тело человека, большое и смутное от окружающей черной ночи, готовое быть и готовое исчезнуть». Ее можно интерпретировать как персонифицированный образ войны, точнее, как образ смерти, навеянная войною.

Рассказ сюжетно напрямую не связан с военными действиями, но контекстно наполнен атмосферой народной войны.

Когда Егор остается один, именно рассказ матери толкает героя к жизненному перелому на пути к самопознанию. «А кто я? - думал Егор и не знал. - Кто-нибудь я тоже есть. Так не бывает, чтобы я был никто!». [3] Оставшись без ответа, он активно ищет выход из духовного кризиса.

Таким образом, используя сложную и уникальную пространственно-временную организацию художественного текста, наполняя его философией века, метафорической семантикой содержания на грани абсурда и реального, быта и бытия, Андрей Платонов многогранно и психологически логично раскрывает в рассказе «Железная Старуха» непростое движение маленького героя к познанию жизни.

Список литературы:

1. Алейников О. Ю. Прошлое и будущее русского народа в рассказах А. Платонова о Великой Отечественной войне // Вестник Российского университета дружбы народов. - 2015
2. Попкова Т. Д. Мир детства в современной художественной литературе: экзистенциальный контекст // Вопросы русской литературы. - 2016. - №1-3
3. Платонов А. П. Сухой хлеб: Рассказы, сказки / Сост., подготовка текста, комментарии Н. В. Корниенко. — М.: Время, 2012. — 416 с. 2-е изд., стереотип. — (Собрание).
4. Малыгина Н. М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие. — М.: МПУ, 1995.— 96 с.
5. Малыгина Н. М. Художественный мир Андрея Платонова в контексте литературного процесса 1920 - 1930-х годов: автореф. дис. Доктора филологических наук/ Н. М. Малыгина М., 199